

© 2026 г.

НЕСОВПАДАЮЩИЕ ИДЕАЛЫ «СЧАСТЛИВОГО ПРОШЛОГО» (сравнение правоконсервативного дискурса в российских и европейских социальных сетях)

Э.А. ПАИН

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

ПАИН Эмиль Абрамович – доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (painea@mail.ru).

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа политического дискурса европейских и российских правых в социальных онлайн-сетях. Показано, что при высоком уровне взаимного отчуждения современного российского и европейских обществ в дискурсе некоторых групп правого толка проявляются признаки идейного сходства в отношении к мигрантам, к глобализации и к традиционным ценностям. Однако заметны и глубокие различия сравниваемых групп, отражающие фундаментальные особенности политической системы и политической культуры России и стран ЕС. Европейские и российские правые консерваторы выступают за реставрацию традиционного «счастливого прошлого», но образы прошлого у них очень различны. Для российских правых это – полиэтничное государство по модели империи Романовых или сталинско-брежневского СССР, а для европейских националистов – модель суверенных государств-наций до образования ЕС, любой вариант многонационального государства для них неприемлем. Показано, как поверхностное идейное сходство европейских правых с российскими правыми стирается в случае прихода европейских националистов к власти в странах ЕС. Авторский подход опирается на дискурс-анализ в сочетании с контент-анализом социальных сетей.

Ключевые слова: правый консерватизм • популизм • цивилизационизм • суверенная нация • государство-цивилизация

DOI:

Данная статья обобщает цикл исследований автора о дискурсе российских консерваторов, продолжая ранее начатый анализ идейного образа российских традиционалистов и антиглобалистов на фоне «правого поворота» на Западе¹. Вместе с тем эта статья имеет свои особенности.

Ранее автором анализировался дискурс трех групп современных российских консерваторов, условно названных «белыми» (сторонники монархии и империи, русские националисты, право-христианские консерваторы), «красными» (левые государственники-«сталинисты») и «зелеными» (российские государственники, защитники исламских традиций в республиках РФ). В нынешней статье внимание сфокусировано лишь на одной из этих групп – на «белых». Только это течение русского консерватизма

¹ «Правым поворотом» называют усиление позиций правых партий и идеологий, рост электоральной поддержки национал-популизма в Западной Европе и в США в начале XXI в.

продемонстрировало позитивное отношение не только к Дональду Трампу (пусть и кратковременное), но и к некоторым правым силам в странах ЕС, что особенно примечательно в условиях нынешнего преимущественно негативного отношения российского общественного мнения к Западу и особенно к Европе².

В этой статье представлен анализ ответного позитивного отношения идеологов европейских партий к России и ее правым силам. Основной целью статьи является исследование сходства и различий в позициях европейских и российских правых консерваторов, а также выявление причин, обуславливающих эти различия. В таком исследовании мы опирались на концепцию Роджерса Брубейкера, предложившего отличать национализм как политическую форму идентификации общества от «цивилизационизма» как проявления историко-культурной идентификации [Brubaker, 2017: 1191–1226].

Почему мы сравниваем контент персональных каналов в России с контентом, представленным на партийных сайтах в странах ЕС? Объектом наблюдения в нашем сравнительном исследовании выступают блоги (интернет-сайты или интернет-каналы) того или иного идеолога или их групп в социальных сетях.

В европейских странах правые идеологи чаще излагают свои взгляды на партийных каналах или сайтах, а в России – на персональных, и тому есть много причин. Так, по мнению ряда политических технологов, российские партии не рискуют объявлять себя правыми или левыми, поскольку «ни одна партия в России не способна на чисто левых или правых взглядах получить достаточную долю электората, чтобы пройти в Госдуму»³. Возможно, поэтому самому популярному идеологу левых сил – Захару Прилепину, даже когда он был сопредседателем одной из думских партий («Справедливая Россия – За правду», до 25 октября 2025 г), было комфортнее выражать свои политические и зачастую полемические идеи на своем персональном канале, а не на официальном сайте своей партии [Паин, 2026]. Ни одна из думских партий не называет себя правой. Зато таким беспартийным идеологам как Александр Дугин, Константин Малофеев, Никита Михалков и т.д. не нужно в целях электорального успеха скрывать свои правые взгляды, поэтому они бескомпромиссно заявляют о них на своих персональных каналах, политическое влияние которых может быть не ниже, чем у некоторых думских партий.

Учитывая все это, мы считаем допустимым сравнивать в нашем анализе дискурс российских правых идеологов на их персональных Телеграмм-каналах (ТГ-каналах) с дискурсом европейских правых идеологов, представленным в основном на партийных сайтах сети Twitter (в настоящее время – сеть «X»).

Методика сравнительного анализа. Автор использует сочетание дискурс-анализа и контент-анализа. Дискурс-анализ опирался на методологию [Fairclough, Fairclough, 2013]. Методика контент-анализа подробно описана в [Паин, 2025; 2026].

Telegram-каналы российских правых отбирались, по описанным в наших предыдущих статьях принципам (прежде всего, самые популярные по числу подписчиков). Это все те же не раз упомянутые в предыдущих статьях ТГ-каналы «Константин Малофеев», «Сыны Монархии», «Рыбарь» и «Военкор Котенок» [Паин, 2025]. В дополнении к ним в данной статье привлекались, также материалы ТГ-канала Александра Дугина («Agdchan») и его выступления в прессе.

Для сравнения дискурса российских правых с европейскими правыми ранее исследователями уже использовались материалы контент-анализа и дискурс-анализа сообщений в социальной сети Twitter. Ближе всего к нашему исследованию результаты контент-анализа дискурса, изложенные в «Анализе активности правопопулистских партий в Twitter» [Сабанский, 2023]. Исследователь оценил удельный вес публикаций на разные темы, появившихся в 2023 г. на официальных пабликах семи партий – «Австрийская партия свободы», «Фламандский интерес» (Бельгия), «Датская народная партия», «Истинные финны» (Финляндия), «Национальное

² Лейба Г. Большинство россиян все еще противопоставляют себя Западу. Опрос ВЦИОМ // Коммерсант. 2025. 13 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8195441> (дата обращения: 28.02.2026).

³ Слободян Е., Данилин П. В чем отличие левых от правых в политике? // Аргументы и факты. 2021. 13 апреля. URL: https://aif.ru/politics/world/v_chem_otlichie_levykh_ot_pavykh_v_politike (дата обращения: 28.02.2026).

объединение» (Франция), «Альтернатива для Германии» и «Лига за премьера Сальвини» (Италия). В изучении дискурса европейских правых идеологов мы опираемся также на материалы дискурс-анализа, изложенного в ряде публикаций по отдельным странам – по Италии [Алексеевкова, 2022], Нидерландам [Осколков, 2019], Франции [Красикова, 2022].

В процессе контент-анализа предпочтений правых российских блогеров по отношению к европейским правым партиям производилась сортировка всех сообщений с января по май 2025 г. Анализ проводился по ключевым словам – названиям партий: это семь выше перечисленных правых партий, а также испанская партия Vox и венгерская Йоббик. Использование программы «Поиск» в сети Telegram позволило произвести отбор всех упоминаний таких партий ранее названными российскими правоконсервативными блогерами.

Кого мы называем правыми политическими силами. Использование категорий «правые силы», «правые группы» и «правая идеология» в сравнительном исследовании затруднено по многим причинам, прежде всего, в силу меняющейся трактовки этих понятий в истории и растущей неопределенности такой концептуализации в современных условиях.

Как известно, термины «правые» и «левые» первоначально возникли уже в самые первые дни Французской революции конца XVIII в., отражая распадку депутатов парламента относительно короля: справа от него сидели абсолютисты, а слева революционеры-жирондисты (но вскоре уже жирондисты переместились вправо, а слева их вытеснили якобинцы). В начале XIX в. после реставрации монархии Бурбонов появилась модифицированная и более устойчивая «право-левая» классификация, где левых стали называть «партией перемен» или *либералами*, а правых – «партией устоявшегося порядка» или *консерваторами* [Knapp, Wright, 2001: 10]. Однако в современной Европе ситуация изменилась на противоположную: именно либералов чаще считают *защитниками* сложившегося с 1960–1980-х гг. политического порядка, тогда как правых (например, партию Марин Ле Пен) можно назвать партией *перемен*.

Весьма распространено деление партий на правых и левых по их социально-экономическим взглядам: правые защищают частную собственность, а левые стремятся к социальной справедливости, равенству и к перераспределению материальных благ. Однако такая классификация тоже не вполне адекватна нынешним условиям. Например, британский историк политики Джеффри Хоскинг полагает, что современные национал-популистские движения в Европе имеют двойственную природу. Они являются правыми в вопросах национализма и одновременно «левыми в вопросах экономики», поскольку требуют «выстроить заслон против транснациональных компаний и восстановить государственный контроль над движением капиталов» [Hosking 2016: 219].

Впрочем, и это определение нельзя назвать исчерпывающе точным. Можно ли вообще считать национализм неизменным признаком правой политической повестки? Ответ отрицательный, поскольку до конца XIX в. национализм во Франции считался признаком *левой* (республиканской) идеологии, лишь после дела Дрейфуса (1894–1906 гг.) став индикатором идеологии правых сил.

В современном мире чрезвычайно трудно квалифицировать конкретные политические партии/интересы как левые или правые еще и потому, что они могут быть весьма неустойчивыми. Например, партия *Смер* нынешнего премьера Словакии Роберта Фицо до 2023 г. входила в левую фракцию социал-демократов Европарламента, но в впоследствии сблизилась с правыми партиями Виктора Орбана (Венгрия) и Национальное объединение (Франция). Российский политик Елена Мизулина в постсоветские время трижды меняла свою партийную принадлежность и идейно-политическую самоидентификацию, двигаясь справа налево в российской системе политических координат. Однако эта система не совпадает с европейской, так что партию «Союз правых сил», от которой Е.Б. Мизулина избиралась в Думу в конце 1990-х гг., вряд ли называли бы правой партией в Европе. Это лишь один из примеров чрезвычайной сложности трактовки таких понятий как «левые» и «правые» в сравнительных исследованиях политических субъектов в разных странах. Джовани Сартори убедительно показал неизбежность искажения этих концептов в сравнительной политологии [Сартори, 2001: 67–77].

Поэтому в данной статье не предусматривается универсальная – общая для России и стран ЕС – теоретическая концептуализация категории правых групп или правой политики. Мы ограничимся лишь эмпирической классификацией политических групп, позиционирующих себя как «правые консерваторы», и сравнением их политического дискурса в социальных сетях (2023–2025 гг.) на основе трех признаков, используемых в качестве предположительных идентификаторов правой идеологии:

- *традиционализм* – публичная апелляция к «традиционным ценностям», укорененным в представлениях традиционных религий по отношению к гендерным ролям, к семье и формам сексуального поведения;
- *антиэмиграционная риторика* в поддержку как ограничений въездной миграции (в особенности нелегальной), так и специальных рестрикций для миграционных потоков из стран, которые, в соответствии с представлениями правых сил, являются цивилизационно чуждыми;
- *антиглобалистский суверенизм* – публичные декларации о приоритетности национального уровня организации политической, экономической и правовой систем над международными институтами и интересами, включая институты ЕС.

Притяжение правых. Один из базовых законов физики гласит, что противоположности притягиваются (во всяком случае в электромагнитном поле). В социальной и политической жизни доминирует иная закономерность: субъекты с близкими или хоть в чем-то похожими взглядами зачастую демонстрируют нечто напоминающее взаимное притяжение. В данном исследовании мы попытаемся далее выявить эмпирические проявления такого притяжения.

По материалам «Анализа активности правопопулистских партий в Twitter» [Сабанский, 2023] были выделены публикации, которые автор назвал «пророссийские». Оказалось, что они характерны лишь для четырех из семи западноевропейских партий (рис. 1).

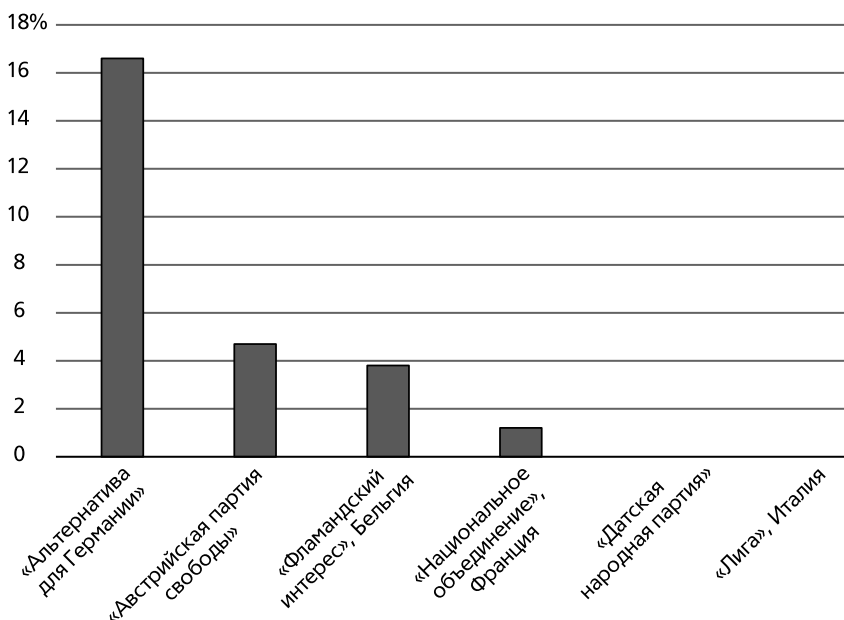

Рис. 1. Удельный вес «пророссийских» публикаций на сайтах европейских правых партий в Twitter, 2023 г., %

Fig. 1. Share of “pro-Russian” publications on the websites of European right-wing parties on Twitter, 2023, %

Наиболее заметное проявление «пророссийского» дискурса проявилось у «Альтернативы для Германии» (АдГ) – 16,6% ее ежегодного контента; у близкой ей «Австрийской партии свободы» – уже только 4,7%; у фламандцев – лишь 3,8%; у французского «Национального объединения (НО) – 1,2%; у итальянской «Лиги» и прочих упомянутых правых партий ЕС он вовсе отсутствует. При этом В. Сабанский не случайно берет в кавычки выражение «пророссийские», поскольку реальное содержание этих публикаций сводится не столько к прямой поддержке России, сколько к критике европейскими правыми партиями властей своих государств и/или руководства ЕС за нежелание восстанавливать экономические связи и политический диалог с Россией, а также за затраты на экономическую и военную поддержку Украины.

Чем обусловлено гигантское возвышение на диаграмме столба, характеризующего такого рода «пророссийские» публикации у партии АдГ? На наш взгляд, объяснения надо искать, прежде всего, в особенности социальной базы этой партии, преимущественно сосредоточенной в восточных землях ФРГ. Это – территория бывшей ГДР; возможно, сама история длительного пребывания этих земель в составе советского политического блока влияет на пророссийские настроения местного населения. Однако в еще большей мере такие настроения явились следствием того, что восточные земли после их присоединения к ФРГ так и не сравнялись с западными. *Ossi* (жители востока Германии) вот уже скоро четыре десятилетия чувствуют себя ущербными по сравнению с *Wessi* (западными немцами) и острее воспринимают большинство общегерманских проблем – от экономической стагнации до миграционного кризиса. Они же более подвержены психологической обработке со стороны популистской пропаганды. Понятно, что и нынешние экономические проблемы после разрыва экономических связей Германии с Россией наиболее остро ощущаются (объективно и субъективно) именно на востоке ФРГ.

Эксперты, изучающие ситуацию в АдГ, отмечают, что ее отношение к России двойственно. Восточные региональные организации этой партии, возможно, действительно предпочли бы сближение Германии с Москвой, а не с Вашингтоном, однако в берлинском (центральном) аппарате партии, образно говоря, «предпочитают пить виски, а не водку». Здесь ориентированы на поддержку своей партии со стороны правых американских республиканцев (Трампа, Вэнса, Маска), позиция которых по отношению к России весьма переменчива. Примером разногласий двух крыльев партии по «российскому вопросу» стала реакция на поездку в Россию и встречу с Дмитрием Медведевым в ноябре 2025 г. депутата от АдГ Райнера Ротфусса. Берлинский сопредседатель АдГ Алиса Вайдель выразила недовольство этой несанкционированной встречей и предложила исключить «крамольного» депутата из своей партийной фракции в Бундестаге. Однако другой сопредседатель, представляющий восточные земли (Тино Крупалла), выступил против таких санкций и заявил, что не видит ничего предосудительного в диалоге с РФ⁴. Публичная перепалка между двумя сопредседателями АдГ по вопросам, связанным с Россией, на этом не завершилась, однако пока политическая ситуация заставляет АдГ проявлять к России более позитивное отношение, чем представители большинства других правых партий Европы.

Российские правые силы, в свою очередь, позитивно выделяют именно эту правую партию. Например, Александр Дугин воскликнул в сентябре 2024 г., что «*На Западе есть отличные правые*», и в их числе назвал «Альтернативу для Германии» (АдГ) и французское «Национальное объединение» (НО)⁵. И наш контент-анализ также показывает, что именно эти партии (особенно первую) наиболее часто упоминают в позитивном контексте ТГ-каналы российских правых консерваторов (рис. 2).

⁴ Лидеры АдГ разошлись во мнениях по поездке их однопартийца в Россию // РИА Новости. 2025. 13 ноября. URL: <https://ria.ru/20251113/germaniya-2054633394.html> (дата обращения: 28.02.2026).

⁵ Дугин А. Нам необходим союз правых и левых против либералов // Завтра. 2024. 5 сентября. URL: https://zavtra.ru/blogs/nam_neobhodim_soyuz_pravih_i_levih_protiv_liberalov (дата обращения: 28.02.2026).

Рис. 2. Удельный вес упоминаний западноевропейских право-популистских партий в ТГ-каналах российских правых, 2025 г., %

Fig. 2. Share of mentions of Western European right-wing populist parties in Russian right-wing Telegram channels, 2025, %

Диаграмма показывает, что во всех случаях, когда в дискурсе российских правых консерваторов упоминалось несколько европейских правых партий, то по упоминанию лидировала АдГ, а за ней французское «Национальное объединение». В единичных случаях упоминались другие европейские партии и движения – в частности, «Австрийская партия свободы» и испанская (постфранкистская) Vox.

Надо сказать, что упоминания европейских правых в пабликах российских правых консерваторов вообще сравнительно нечасты. Европейские правые интересуют российских только в двух случаях – либо когда они становятся объектом преследования в своих странах (как, например, в случаях с нашумевшими процессами против АдГ в Германии и «Национального объединения» во Франции), либо если эти партии проявляют пророссийские настроения в своем дискурсе. При этом главной причиной расположения российских правых к АдГ являются скорее ее пророссийские настроения, чем идеологическая близость взглядов. Ведь вряд ли российские правые могут назвать идейно близкой партию, программа которой призывает к «отказу от ответственности за немецкую вину в эпоху нацизма» и ставит акцент только на «положительные, формирующие национальное самосознание аспекты немецкой истории» [Мещеряков, 2020: 283]. Такая политика памяти коренным образом противоречит как официальной позиции России, так и, тем более, позиции российских национал-патриотических движений, выступающих категорически против замалчивания преступлений нацизма (и тем самым отрицания «немецкой вины»).

Сходство признаков традиционализма. Правые консерваторы, по определению, в своих программах настаивают на сохранении традиционных ценностей. В нашем сравнительном исследовании эти декларации проявились как у российских, так и у европейских правых, хотя в ходе нашего исследования обнаружено, что реальное проявление интереса к традиционным ценностям в европейских дискурсах оказалось ниже, чем ожидалось.

Ранее мы уже отмечали крайне бедный контекст, в котором упоминались традиции и традиционные ценности в дискурсе «белых» (правых русских националистов России). В частности, было показано как редко упоминались «традиции» и «традиционные ценности», относящиеся к контексту семьи и многодетности (эти слова за 20 месяцев наблюдений встретились лишь 6 раз в огромном эмпирическом массиве данных). Еще реже – всего 7 раз – упоминались общие традиции народов России, хотя при этом декларирувалось, что именно такие традиции выступают основными скрепами единого

государства-цивилизации [Паин, 2025: 44]. Немного чаще, чем сами традиции, упоминались российскими правыми враги традиций, например, такие как ЛГБТ (16% всех упоминаний угроз), атеизм (4%) и аборт (3%).

Любопытно, что и на европейской площадке правых идеологов нет большого интереса к традиционным ценностям в сфере этнических, государственных и религиозных (христианских) традиций. В дискурсе каждой из упомянутых выше семи партий удельный вес признака «поддержка традиционных ценностей» оказался самым низким в сравнении с другими признаками их дискурсивной активности. Чаще других упоминали этот признак на сайте партии «Фламандский интерес» (9,4% годового контента), менее всего на сайте французской партии «Национальное объединение» (НО) – только 1,8%.

Эти данные могут показаться странными или даже сомнительными в свете ожидаемый взрыва интереса к традиционализму в условиях «правого поворота в Европе». Ведь в 2014–2017 гг., многие известные социологи предполагали, что этот поворот повлечет за собой усиление конфликта цивилизаций – противопоставление христианской Европы чуждому ей «исламскому миру». Во время Р. Брубейкер предположил, что в таких условиях цивилизационная идентичность, апеллирующая к христианским ценностям, станет доминирующей в Европе, объединит ее и вытеснит национальную идентичность [Brubaker, 2017: 1191]. Однако этот прогноз американского социолога не оправдался. Ныне национализм в Европе вовсе не слабеет, а скорее укрепляется у правых партий ЕС, противопоставляющих приоритет интересов своих наций интересам Европейского сообщества. «Их Европа, наши Нидерланды» – это лозунг известной правой партии Герта Вилдерса (нидерландской «Партии свободы») ясно указывает на *национальный* приоритет европейских правых. Не подтверждаются ожидания обострения цивилизационного конфликта и ужесточения христианской и антиисламской риторики также и в дискурсе крупнейших правых политических партий Европы. Об этом свидетельствуют примеры таких партий.

Партия «Братья Италии» (партия итальянского премьера Джорджи Мелони и ядро правящей коалиции страны с 2022 г.) демонстрирует существенное ослабление антиисламской риторики после прихода партии к власти. Ранее (в 2019 г.) программа «Братьев Италии» объявляла войну «исламизации»: запрещалось строительство мест отправления культа, работа медиа и культурная активность, финансируемые «странами-фундаменталистами». Теперь же (в программе 2022 г.) жесткие антиисламские инвективы отсутствуют и лишь кратко декларируются, что Европа – это родина иудейско-христианских ценностей. Одновременно объявляется борьба со «всеми формами антисемитизма, расизма и исламского интегрализма» [Алексеенкова, 2022: 43–50].

Похожие процессы наблюдались и во Франции. Эволюция крупнейшей и самой влиятельной партии французского правого популизма «Национального объединения» (НО) (до июня 2018 г. эта партия называлась «Национальный фронт» (НФ)) характеризуется сознательной стратегией устранения политического радикализма, смягчения публичного дискурса и разрыва с наиболее одиозными политическими фигурами прошлого. В начале 2000-х гг. партия взяла курс на реформирование политической стратегии, осознав, что слишком радикальный имидж препятствует доступу к власти. Этот процесс, названный новым лидером партии (дочерью прежнего лидера) – Марин Ле Пен «де-демонизацией», сместил направление стратегии НО с артикуляции конфликта цивилизаций в сторону прагматического гражданского национализма, умеренного евроскептицизма и защиты светских ценностей [Красикова, 2022].

«Братья Италии» – партия, уже сейчас правящая в Италии, а «Национальное объединение» имеет хорошие шансы на победу на ближайших президентских выборах во Франции⁶. И это обстоятельство во многом определяет политические стратегии обеих партий.

⁶ French poll shows far-right leader Bardella winning presidential election // Reuters. 2025. November 25. URL: <https://www.reuters.com/world/french-poll-shows-far-right-leader-bardella-winning-presidential-election-2025-11-25> (дата обращения: 28.02.2026).

Энтони Гидденс еще в начале 1990-х гг. отмечал, что приход партий к власти в демократиях Европы сильно уменьшает различия между ними, будь они консерваторами или либералами, правыми или левыми, «поскольку базовые дилеммы (*«basic dilemmas»*), с которыми они сталкиваются, на практике оказываются одинаковыми». [Giddens, 1994: 23]. Анализ динамики европейских правых партий в 2020–2024 гг. подтверждает этот вывод, указывая на «смягчение радикальности самих ультраправых партий... которые адаптируют свои программы и лозунги, заимствуя элементы центристской риторики, что делает возможным их дальнейшее участие в правительственных коалициях» [Шарапо, 2024: 20]. Не случайно христианский радикализм у правящих правых партий в ЕС заметно ниже, чем у европейских правых партий с безнадежными шансами на электоральную победу («Фламандский интерес», «Истинные финны», «Датская народная партия» и др.).

Третья крупная правая партия – это «Альтернатива для Германии» (АдГ), ныне крупнейшая оппозиционная партия ФРГ. Судя по опросам, она может на следующих парламентских выборах обойти ХДС по числу парламентариев, но при этом вряд ли сумеет создать коалиционное правительство, поскольку большинство германских партий отказывается от сотрудничества с ней, упрекая АдГ в пронацистской политике. Эта партия может позволить себе радикальные взгляды, однако по ряду причин радикальный христианский традиционализм не стал ее козырной картой в политической игре, хотя такие попытки предпринимались. Вот история одной из них.

Восточные земли Германии – это не только территория бывшей ГДР, но и родина Мартина Лютера (Саксония), поэтому в 2017 г. саксонская земельная организации АдГ попыталась заработать политический капитал на апелляции к лютеранскому традиционализму. Местные функционеры партии выступили за большую строгость в соблюдении лютеранских традиционных ценностей и выдвинули идею общегерманского референдума о запрете абортов. Но эта идея не была поддержана ни в самой партии, ни за ее пределами. Свою роль в этом сыграли ухудшающиеся взаимоотношения партии как с лютеранской, так и с католической церквями. В 2024 г. конференция епископов Германии выступила с заявлением о несовместимости христианства и политической платформы АдГ, которая была обозначена как «этнический национализм». АдГ, в свою очередь, запретила своим членам занимать выборные должности в приходских и общинных советах⁷.

Сходство и различия в антииммигрантской риторике. Как отмечалось в наших предыдущих исследованиях, антииммигрантская повестка занимает лидирующее положение в дискурсе российских правых консерваторов, рассматривающих эмигрантов как одну из основных угроз цивилизации «Русского мира». Эмигранты, преимущественно выходцы из Средней Азии, упоминаются в качестве врагов в 44% случаев, тогда как «коллективный Запад» – только в 16%, а все остальные враги и того реже [Паин, 2025: 45].

В Европе миграционный кризис 2015 г. также во многом обусловил динамику упомянутого выше «правого поворота». Право-популистские политические силы Европы, максимально использовали эксплуатацию проблем, связанных с миграционным кризисом для укрепления и роста своих электоральных позиций. Однако этот политический ресурс не безграничен. По данным Сабанского, антииммигрантская повестка хоть и представлена у всех правых партий, все же не доминировала в годовом контенте ни у одной из семи партий [Сабанский 2023]. Наиболее радикальные ее проявления характерны для партий, не имеющих перспектив на электоральную победу в своих странах: так, у бельгийской партии «Фламандский интерес» антииммигрантская тематика составляла 26,5% публикаций; у партии «Истинные финны» – 11%; у «Австрийской партии свободы» – 10,5%. Сравните это с показателями «Национального объединения» (Франция), имеющего хорошие шансы на лидерство уже в ближайшей президентской гонке – только 6,1%, а также

⁷ Федорцев В. Церковь или партия: Членам АдГ запретили занимать выборные должности в приходских и общинных советах // Российская газета. 2025. 25 ноября. URL: https://rg.ru/2025/11/24/cerkov-ili-partiia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.02.2026).

с показателями итальянской партии «Лига», уже входящей в правящую коалицию Италии, – лишь 2,5%.

Анализ программных документов другой партии, входящей в ту же правящую коалицию «Братья Италии», демонстрирует существенную трансформацию критериев дифференциации между «своими» и «чужими» накануне вхождения в правительство. В ранней программе (2019 г.) в качестве основного маркера «чужого» выступали признаки «иммигрант-инородец» и «иммигрант-иноверец», несправедливо претендующий на вытеснение коренных итальянцев в распределении благ социального государства. Эксплуатация страхов этнического большинства в отношении мигрантов безотказно работает на повышении политического рейтинга большинства правопопулистских оппозиционных партий Европы, поэтому партия «Братья Италии», будучи в оппозиции, постоянно защищала идею ограничения миграции и принцип *«prima gli italiani»*, предполагавшем приоритетное распределение социальных благ среди коренных итальянцев. Однако приход этой партии к власти изменил ее задачи. С 2022 г. наблюдался сдвиг в дискурсе этой партии. В частности, дефицит рабочей силы после пандемии привел к частичному пересмотру миграционной политики в отношении трудовых мигрантов. Сначала в программе «Братьев Италии» появилась инициатива создания «зеленых коридоров» для привлечения иностранных работников в сельскохозяйственный сектор, затем проявились и более фундаментальные изменения в стратегии партии [Алексеенкова, 2022: 43–50]. Они связаны со смещением интереса партии с проблем социального распределения, всегда значимых для оппозиционных партий, на проблемы, находящиеся в зоне ответственности правящей партии, – содействие социально-экономическому развитию страны, в том числе ее реиндустриализации. Для решения таких задач нужно думать о дополнительной рабочей силе, а в условиях демографического кризиса – и о росте потребности в трудовых мигрантах.

Во Франции в преддверии возможной победы на президентских выборах «Национальное объединение» тоже изменило свое отношение к проблеме миграции. Если в 2017 г. НО считала оптимальным решением данного вопроса выход из Шенгенской зоны, то в 2022 г. в ее программе на президентские выборы разрыв шенгенских договоренностей уже не предусматривается, как и выход из ЕС [Красикова, 2022].

В идеологическом пространстве российских правых в последние годы наблюдается процесс, прямо противоположный тому, который демонстрируют итальянские и французские правые. Такая особенность напрямую не связана с цивилизационными различиями между Россией и Европой, скорее, объяснение ей надо искать в нынешней специфике российской партийной системы.

Сейчас в России нет явно выраженных правых партий, а правым группам, обитающим лишь в Интернете, не приходится конкурировать за избирателей, а главное – им не нужно отвечать за экономическую стратегию государства. Поэтому процесс радикализации их антиэмигрантских выступлений фактически ничем не ограничен. Так или иначе, заметен крен ТГ-каналов правых групп в сторону растущей демонизации антиэмигрантской повестки. В 2025 г. тема «нашествия» мигрантов вышла на самое первое место в списке тем, комментируемых правыми. Даже у тех представителей этого течения, которые в прошедшие пару лет концентрировались практически исключительно на освещении СВО и вооруженных конфликтов в мире («военкоры»), наблюдается явное повышение интереса к теме мигрантов.

Ярким примером является канал «Рыбарь» один из самых популярных среди «военкоров» (рис. 3).

График выразительно демонстрирует резкий всплеск интереса этого ТГ-канала к теме мигрантов: на 73% выросло количество упоминаний этой тематики в апреле 2025 г. в сравнении с февралем того же года и почти на 80% – в сравнении с маем 2024 г. Приток мигрантов рассматривается как угроза нередко в связи с возможным участием мигрантов-мусульман в террористической деятельности. Впрочем, не только это подталкивает военкоров к обсуждению темы мигрантов. В условиях СВО возрастает потребность

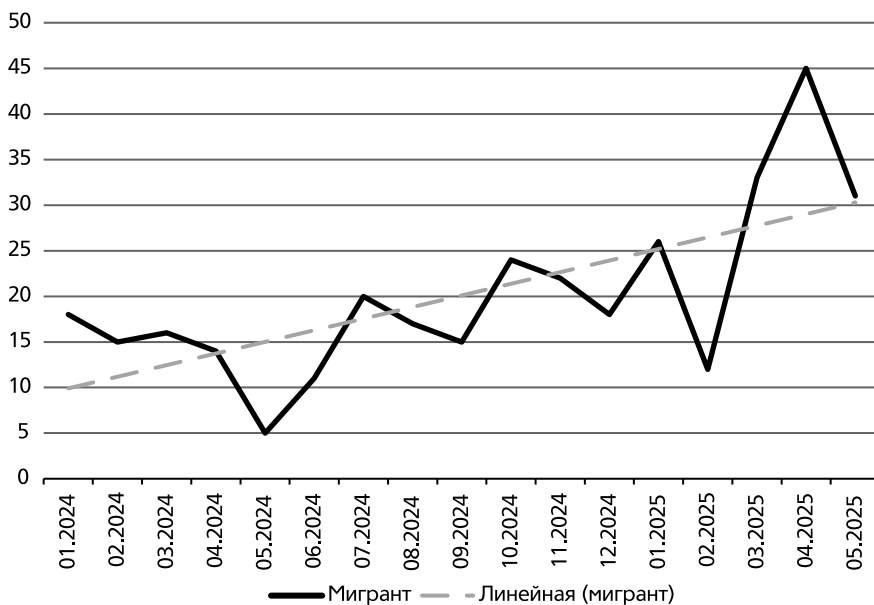

Рис. 3. Рост количества ежемесячных сообщений о мигрантах в ТГ-канале «Рыбарь» (январь 2024 – май 2025 гг.)

Fig. 3. Increase in the number of monthly messages about migrants in the «Rybar» Telegram channel (January 2024 – May 2025)

в консолидации общества и сплочение его против врагов. У российских правых частота негативного упоминания мигрантов как врагов с Востока не ниже, чем упоминание врагов с Запада.

Суверенизм государства-нации и государства-цивилизации. В 2019 г. на логотипе партии «Братья Италии», появился термин «суверенисты» («sovranisti») трактуемое не только как ценность суверенитета государств Италии, но и как выражение ценности гражданской нации и защиты прав ее граждан от вмешательства институтов ЕС, рассматриваемых партией как «наднациональное образование, управляемое неизбираемыми бюрократами и технократами, навязывающими сверху свои решения народам Европы» [Алексеевкова, 2022]. Национально ориентированный идеал европейских правых сформулировала и Марин Ле Пен: «Европа – пространство свободных и суверенных наций». Она же обозначила и основную угрозу этому идеалу – превращение ЕС в единое многонациональное государство. В программе ее партии от 2022 г. записано: «“Национальное объединение” планирует положить конец идеям строителей ЕС о “федералистском сверхгосударстве”» [Красикова, 2022]. Партия «Альтернатива для Германии» не только разделяет те же идеалы, что и французские правые, но и создала в 2024 г. новую фракцию Европарламента – «Европа суверенных наций».

Казалось бы, в России идея государства-нации должна быть тоже актуальной, поскольку в полиэтничной и многоконфессиональной стране общая идентичность естественным образом не может быть этнической или религиозной. Однако с позиции российских консерваторов такая идентичность не может быть и гражданской. Для правых идеологов модель гражданской нации неприемлема уже потому, что принадлежит корпусу идей ненавистного для них западного либерализма. В качестве заслона от него правые предлагают модель не гражданского, а иного – государственно-цивилизационного сплочения на основе «Русской идеи». Как отмечает А. Дугин, «Русская Идея должна полностью

заменить импортированный с Запада эгоистический и, по сути, русофобский, подрывной для нашей ценностной системы либерализм. Он автоматически ведет к атомизации, отчуждению и разрушению народного единства» (ТГ-канал Александра Дугина «Agdchan») ⁸.

Поиск консервативных основ интеграционного базиса России начался практически сразу после распада СССР в рамках Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС). В состав его Президиума с 1993 г. входил А.Г. Дугин в качестве одного из основных идеологов. В докладе на пленарном заседании ВРНС от 28 ноября 2023 г. Патриарх Кирилл изложил концепцию государства-цивилизации, над которой не одно десятилетие работали многие идеологи правоконсервативной направленности ⁹. Резюмируя его выступление и ряд других на том пленарном заседании, можно кратко сформулировать следующие основные черты консервативной концепции российского народного единства в форме государства-цивилизации:

1. государство-цивилизация – это наднациональная, цивилизационная общность;
2. объединяет государство-цивилизацию идеология «Русского мира», подчеркивающая «общность исторической судьбы» и «единство мировоззрения» народов России;
3. ядром этой общности является русский народ как «государствообразующий» и как носитель единых для народов России традиционных духовно-нравственных ценностей;
4. особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

Популизм vs элитизм. В докладе В. Сабанского бесспорным лидером по количеству упоминаний в ежегодном дискурсе европейских правых консерваторов является тема антиэлитизма. Так, у французского «Национального объединения» она составляет 57,6%, у германской АдГ – 43,5%, а у каждой из пяти остальных партий – около 40% ежегодного контента в их публикациях на сайте партий [Сабанский, 2023]. Различия между оппозиционными и правящими партиями стран ЕС проявляются лишь в том, что оппозиционные больше критикуют властную элиту своих стран, а правящие – бюрократическую элиту Брюсселя. Приоритет этого нарратива в контент-анализе соответствует важнейшему признаку популизма, который Кас Мюдде определяет, как «идеологию, представляющую общество разделенным на две гомогенные и противостоящие друг другу группы – “непогрешимый народ” против “коррупцированной элиты”, и настаивающую на том, что политика должна выражать общую волю» [Mudde, 2004: 543].

В то же время в России антиэлитизм почти не проявляется в дискурсе правых консерваторов, которые в подавляющем своем большинстве ныне не рассматривают себя в качестве оппозиции действующей власти. Напротив, большинство правоконсервативных групп подчеркивают свою лояльность к власти и к российской политической элите. Еще несколько лет назад антиэлитизм у российских правых все же проявлялся в критике «системных либералов», однако в настоящее время и такой «антиэлитизм» почти исчез из дискурса. Лишь эпизодически он обозначается в виде упоминаний «предателей-релокантов», либо в виде все более редких инвектив в адрес неназываемых, зашифрованных, почти мистических «людей во власти», некой «либеральной башни Кремля». Если европейские правые партии могут быть названы популистами, поскольку они публично выступают от имени народа, противопоставляемого элите, то российские правые могут быть определены (исходя из теории популизма К. Мюдде – К.Р. Кальтвассера), наоборот, как элитисты (противоположности популистов), выступающие с охранительных позиций в отношении государства и сложившегося в нем политического порядка.

Российские правые консерваторы, разумеется, могут апеллировать к народу России, но не как к «источнику власти в государстве», а преимущественно

⁸ Сообщение от 26 июля 2023 г. URL: <https://t.me/Agdchan/11190> (дата обращения: 25.02.2026).

⁹ Доклад Патриарха Московского и Всея Руси на пленарном заседании Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) от 28 ноября 2023 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (дата обращения: 25.02.2026).

в культурно-цивилизационном смысле, в духе идей С.С. Уварова (т.е. народ трактуется как хранитель самобытного культурного наследия России и верности ее особому пути). Сама сущность государства понимается двумя сравнимаемыми сообществами правых сил очень по-разному. В российском социально-культурном и политическом контексте государство воспринимается не в европейской трактовке (как продукт общественного договора), а по Дугину, как следствие извечной «высшей (в каком-то смысле трансцендентальной) цели, которая определяет вектор будущего, путь развития в соответствии с тем, что каждая цивилизация считает благом и ориентиром своего исторического бытия»¹⁰.

Если правые партии Европы называют создание многонационального государства угрозой, то для российских правых консерваторов – это идеальная цель, которая состоит в возрождении многонационального (полиэтнического) государства по модели Российской империи [Малафеев, 2023]. Западному национал-популизму в принципе чужды имперские идеалы российских правых, однако в противоборстве с ЕС и по ряду тактических вопросов некоторые европейские национал-популистские партии иногда могут искать поддержку и у имперских сил в России. В то же время чаще всего не оправдываются надежды на то, что приход правых партий к власти в странах ЕС автоматически приведет к улучшению отношений этих стран с Россией. Появление правой правящей коалиции в Италии в 2022 г. совпало как раз с ухудшением ее отношений с Россией; правое правительство Польши (партия ПИС была у власти до конца 2023 г.) демонстрировало еще более недружественное отношение к России, чем нынешнее либеральное. Наконец, надежды российских правых на поддержку со стороны правой администрации США дважды оказались иллюзорными – во время как первой, так и второй президентской каденции Д. Трампа.

Выводы. Сравнение правоконсервативных дискурсов – российского с западноевропейским – показывает, таким образом, что сходство между ними ограничено по тематике и неустойчиво во времени, поскольку обусловлено быстро меняющимися политическими интересами. Например, сходство европейских правых с российскими в отношении к мигрантам утрачивается в случае прихода европейских националистов к власти в странах ЕС, примером чему служит миграционная политика партии «Братья Италии» до и после ее прихода к власти в 2023 г. Кроме того, идейное сходство зачастую является сугубо внешним и обманчивым.

Например, обе исследуемые группы правых консерваторов апеллируют к «традиционным ценностям», однако смысл этих апелляций принципиально различен, как и сущность самих традиций. Европейские и российские правые консерваторы выступают за реставрацию традиционного «счастливого прошлого», но его образы у них очень различны, как различны прошлая история Западной Европы и России. Для российских правых «счастливое прошлое» – это модель многонационального государства, подобного империи Романовых или сталинско-брежневского СССР, а для европейских националистов – это модель суверенных государств-наций, какие доминировали в Европе накануне образования ЕС. Модель многонационального государства для западных правых принципиально неприемлема в форме как империи, так и федерации.

Принципиально различаются и традиции восприятия государства и власти. Российский правый консерватизм трактует государство не в европейской традиции как продукт общественного договора, а как извечный и сакральный источник власти, обеспечивающий осуществление ее цивилизационной миссии.

В основе идеологии европейского правого популизма остается гражданский национализм с его базовым принципом – правом на самоопределение наций как сообщества граждан, приоритетом интересов национальных сообществ. В то же время базисом российского правого консерватизма является идеология цивилизационизма в форме опоры на идеи «государства-цивилизации», вытесняющих в дискурсе российских правых слабо укорененную риторику «российской нации» и ее гражданской основы.

¹⁰ Дугин А. Иллиберализм в международных отношениях // Завтра. 2023. 24 ноября. URL: https://zavtra.ru/blogs/illiberalizm_v_mezhdunarodnih_otnosheniyah (дата обращения: 28.02.2026).

Наконец, европейский правый консерватизм имеет популистское выражение, обращен к народу (обществу) и мобилизует его идеями антиэлитизма, тогда как дискурс российского правого консерватизма скорее проэлитистский. Он демонстрирует лояльность по отношению к политической элите государства, выступая как инструмент ее дополнительной идеологической легитимации.

Проведенное исследование позволяет рассматривать современный российский правый консерватизм как особый тип идеологической формации, существенно отличающийся от европейского правого консерватизма. Особенности его российской версии во многом коренятся в устойчивых структурах традиций, но не столько традиций всей российской политической культуры, сколько в традициях и идеологических фреймах российского правого консерватизма. Он действительно демонстрирует «особый путь» развития, однако этот путь не предопределен ни историей, ни цивилизационными особенностями России в их, фаталистической интерпретации. Вовсе нет, это – сознательный выбор определенной части российского общества. При этом и в нашей стране выбор идеологических предпочтений (идеологического пути) отнюдь не ограничивается консервативным спектром «белых», «красных» и «зеленых» оттенков – он шире. В перспективе при сравнительном изучении не только консерватизма, но и других идейно-политических течений потребуются развитие контекстуально чувствительного подхода в политической социологии, учитывающего особенности социально-политических условий и политической культуры различных идейных групп в разных странах мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Е.С. Трансформация правого популизма в Италии 2018–2022 гг.: от суверенизма к патриотизму // Современная Европа. 2022. № 7. С. 42–56. DOI: 10.31857/S020170832207004X; EDN: KVSGRM.
- Красикова Л.В. Трансформация евроскептицизма партии «Национальное объединение» (2017–2022). Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 91–103. DOI: 10.20542/afij-2022-391-103; EDN: SRBZKK.
- Малафеев К.В. Империя. Образ будущего. М.: АСТ, 2022.
- Мещеряков Д.Ю. История Германии сквозь призму взглядов партии “Альтернатива для Германии” // Политическая наука. 2020. № 2. С. 280–288. DOI: 10.31249/poln/2020.02.14; EDN: KOXCSU.
- Паин Э.А. «Белые», «красные» и «зеленые»: идейное и этноконфессиональное многоцветье современного российского консерватизма (на основе контент-анализа Telegram-каналов) // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 40–53. DOI: 10.31857/S0132162525030042; EDN: KMZFMS.
- Паин Э.А. Образ Дональда Трампа в дискурсе российских консерваторов: символ разъединения // Социологические исследования. 2026. № 4. С. 18–30. DOI: 10.7868/S3034601026040025; EDN:????.
- Сабанский В.А. Анализ активности правопопулистских партий в Twitter. Молодежная (онлайн) дискуссия «Цифровой Левиафан: трансформация государства, общества и институтов в эпоху диджитализации». 2023. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/98737/1> (дата обращения: 28.02.2026).
- Шарапо А. Правый поворот в Европе и потенциальные возможности влияния ультраправых партий на политику Европейского Союза // Журнал международного права и международных отношений. 2024. № 3/4(110/111). С. 20–26. EDN: JSUXVI.
- Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: the European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. No. 8. P. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700.
- Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students. Routledge, 2013.
- Giddens A. Beyond Left and Right, the Future of Radical Politics. Stanford University Press, 1994.
- Hosking G. Why Has Nationalism Revived in Europe? // Nations and Nationalism. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 212–219.
- Knapp A., Wright V. The Government and Politics of France. New York: Routledge, 2006. 535 p. ISBN 0-415-21526-9.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541–563.

MISMATCHED IDEALS OF THE “HAPPY PAST”: A COMPARISON OF THE RIGHT-WING CONSERVATIVE DISCOURSE IN RUSSIAN AND EUROPEAN SOCIAL MEDIA

E. A. PAIN

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Emil A. PAIN, Dr. Sci. (Polit.), PhD (Hist.), Leading Researcher (painea@mail.ru).

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the political discourse of European and Russian right-wing forces on social media. It shows that, despite the high level of mutual alienation between modern Russian and European societies, there are signs of ideological similarity in the discourse of some right-wing groups. However, there are also significant differences between the groups, reflecting the fundamental characteristics of the political systems and political cultures of Russia and the EU countries. European and Russian right-wing conservatives advocate the restoration of the traditional “happy past,” but their images of the past differ. For Russian right-wing conservatives, this is the model of the Romanov Empire or the Stalin-Brezhnev USSR, while for European nationalists, it is the model of sovereign nations before the formation of the EU, and any form of a multinational state is unacceptable to them. The article provides examples of the erosion of the similarities between European and Russian right-wing conservatives when European nationalists are included in coalition governments in EU countries. The article summarizes the research published in the author’s three previous articles in 2025–2026 and relies on discourse analysis combined with social media content analysis.

Keywords: right-wing conservatism, populism, civilizationalism, sovereign nation, and civilization state.

REFERENCES

- Alekseenkova E.S. (2022) Transformation of Right-Wing Populism in Italy 2018–2022: From Sovereignism to Patriotism. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. No. 7: 42–56. DOI: 10.31857/S020170832207004X; EDN: KVSGRM. (In Russ.)
- Brubaker R (2017) Between Nationalism and Civilizationism: the European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 40. No. 8: 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700.
- Fairclough I, Fairclough N. (2013) *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*. Routledge.
- Giddens A. (1994) *Beyond Left and Right, the Future of Radical Politics*. Stanford University Press.
- Hosking G. (2016) Why Has Nationalism Revived in Europe? *Nations and Nationalism*. Vol. 22. No. 2: 212–219.
- Krasikova L.V. (2022) Transformation of Euroscepticism of the National Unification Party (2017–2022). Analysis and Forecast. *Zhurnal IMEMO RAN* [Journal of IMEMO RAS]. No. 3: 91–103. DOI: 10.20542/afij-2022-391-103. EDN: SRBZKK. (In Russ.)
- Knapp A; Wright V. (2001) *The Government and Politics of France*. New York: Routledge.
- Malofeev K.V. (2022) *Empire. Image of the Future*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Meshcheryakov D. Yu. (2020) History of Germany through the Prism of the Alternative for Germany Party’s Views. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 2: 280–288. DOI: 10.31249/poln/2020.02.14; EDN: KOXCSU. (In Russ.)
- Mudde C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4: 541–563.
- Pain E.A. (2025) “White”, “Red”, and “Green”: The Ideological and Ethno-Confessional Diversity of Modern Russian Conservatism (Based on Content Analysis of Telegram Channels). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 40–53. DOI: 10.31857/S0132162525030042; EDN: KMZFMS. (In Russ.)
- Pain E.A. (2026) The Image of Donald Trump in the Discourse of Russian Conservatives: A Symbol of Disunity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 18–30. DOI: 10.7868/S3034601026040025; EDN:?????. (In Russ.)
- Sabanskii V.A. (2023) Analysis of the Activity of Rightwing Populist Parties on Twitter. In: *Digital Leviathan: Transformation of the State, Society and Institutions in the Era of Digitalization*. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/98737/1/Sabanskii_84_88.pdf (accessed 28.02.2026). (In Russ.)
- Sharapo A. (2024) The Right Turn in Europe and the Potential Influence of Far-Right Parties on the European Union’s Policies. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenij* [Journal of International Law and International Relations]. No. 3/4 (110/111): 20–26. EDN: JSUXVI. (In Russ.)